
СОЦИАЛЬНОЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ И СТРАТЕГИИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ЭТНИЧНОСТИ, КЛАССА И ГЕНДЕРА

Лариса Шпаковская

Статья посвящена исследованию механизмов включения/исключения женщин – мигранток из Армении. В фокусе находятся практики обращения этих женщин к российским медицинским сервисам и услугам дошкольных образовательных учреждений: рассматриваются институциональные и культурные барьеры доступа. Институциональные барьеры связаны с гражданством и правовым статусом мигрантов на территории РФ. Обсуждение культурных барьеров осуществляется в статье в связи с гендерной культурой мигранток. Социальное исключение и стратегии его преодоления имеют классовый характер. Институциональные барьеры преодолеваются благодаря экономическим, образовательным и социальным ресурсам мигранток и их семей. Установки традиционной гендерной культуры переопределяются прагматически и оказываются менее жесткими в среде образованных классов. Статья анализирует социальное включение/исключение сквозь призму личного опыта мигранток, в контексте их биографий.

Ключевые слова: миграция, социальное исключение, патриархат, гендерная культура, гражданство

SOCIAL EXCLUSION AND COPING WITH IT STRATEGIES ON THE INTERSECTION OF ETHNICITY, CLASS AND GENDER

Larisa Shpakovskaya

The article deals with the mechanisms of inclusion/exclusion of Armenian migrant women in a big Russian industrial city. Migrant women's practices of using the healthcare and pre-school care services in Russia are in the focus. The author analyzes institutional and cultural barriers of access to the services. Institutional barriers are determined by the legal status of migrants in Russia. The cultural barriers are discussed in the article in context of migrants gender culture. The author analyses class dimensions of social exclusion and strategies of dealing with it. The study shows how institutional barriers are being overcome using economic and social resources of women-migrants. The norms of traditional gender culture are interpreted pragmatically and turn to be less rigid in families with higher educational background.

Keywords: migration, social exclusion, patriarchy, gender culture, citizenship

Статья* посвящена исследованию механизмов включения/исключения женщин-мигранток на территории России. Проблема инклюзии в западной социологии возникает в связи с понятием социального исключения, которое было введено в научный оборот для объяснения механизмов (вос)производства социального неравенства взамен таких классических терминов, как социальный класс и социальный статус. Классы и статусные группы оказались не эффективными терминами для анализа неравенства в современных обществах, поскольку не позволяли объяснить механизмы воспроизводства позиций, находящихся внизу социальной иерархии [Anthias, 2005. С. 26; Murray, 1990]. Сторонники концепции андеркласса обращают внимание на то, что у бедности есть этническое, расовое и гендерное измерения [Wacquant, Wilso, 1989. P. 16; Моррис, 2000. С. 74]. Бедность в этом случае не может объясняться лишь классовым положением этих групп, как и их этничностью или расой [Fainstein, 1987]. Женщины с большей вероятностью подвергаются риску социального исключения, находясь в зависимости от дохода супруга, оставаясь с детьми после развода, работая неполный рабочий день. При этом характер рисков, с которыми сталкиваются женщины, зависит от их образования, профессиональной квалификации, социального и культурного капитала [Walker, Walker, 2009. P. 54]. Таким образом, в концепции социального исключения рассматривается социальное неравенство как результат пересечений класса, этничности и гендера [Anthias, 2005. P. 24].

Понятие социального исключения предполагает анализ барьеров, препятствующих доступу к социальным благам и экономическому благополучию. Быть исключенным – значит не иметь доступа к получению работы, жилья или гражданства [Anthias, 2005. P. 26]. Индивид считается социально исключенным, если постоянно проживает в данном обществе, но не может пользоваться гражданскими правами данного общества в связи с факторами, которые не может сам контролировать [Burchardt et al., 1999. P. 229. Цит. по: Crompton, 2010. P. 143–144].

В работах, посвященных вопросам социального исключения, можно обнаружить два основных методологических подхода к анализу данной проблематики: структурный и культурный. Структурный подход обращает внимание на наличие возможностей инклюзии в структуре рынка труда, образовании, социальных сервисах для включения. Здесь особое внимание

* Статья подготовлена в рамках проектов Центра социальной политики и гендерных исследований «Сравнительный анализ процессов социальной политики на постсоциалистическом пространстве» при поддержке фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров и "Revision of social policy in post-soviet space: ideologies, actors and cultures" в рамках программы поддержки высшего образования Института «Открытое общество» ReSET HESP.

Выражаю благодарность всем, кто на разных этапах подготовки читал и редактировал данную статью: анонимным рецензентам за содержательные советы и конструктивную критику, редакторам журнала Елене Ярославской-Смирновой и Павлу Романову за внимательную и кропотливую работу над текстом, а также за идею данной статьи. Кроме того, я благодарна Инне Бабаян за помощь в сборе эмпирических данных, использованных в статье.

уделяется социальной политике, сглаживающей или (вос)производящей социальные неравенства. Культурный подход анализирует ценности, знания, паттерны организации повседневности как механизмы социального исключения. С позиций первого подхода индивиды и группы социально исключены в связи с тем, что не имеют структурных и институциональных возможностей, что может быть обусловлено их гражданско-правовым статусом или правилами функционирования организаций социального обеспечения. Культурные исследования обращают внимание на барьеры другого рода. Даже при наличии структурных возможностей, социально исключенные группы не могут ими воспользоваться в результате отсутствия необходимых знаний, культурных и поведенческих паттернов [Морис, 2000]. В данной статье анализируются институциональные (структурные) и культурные барьеры доступа к услугам медицинских учреждений и детских дошкольных образовательных учреждений (ДДОУ).

Проблематика социального исключения релевантна для исследований миграции, причем гендер выступает ключевой категорией для понимания специфики социального исключения. В западной социологии исследования традиционно фокусировались на мужской миграции, и во многом это было связано с тем, что изначально большинство мигрантов составляли мужчины [Moch, 2005. P. 97]. Во второй половине XX в. миграция все более приобретает транснациональный характер [Levitt, Jaworsky, 2007], что способствует интенсивному вовлечению женщин в миграционные потоки [Kolarova, 2006], так как государства всеобщего благосостояния развитых стран становятся все более зависимыми от дешевого труда женщин из стран третьего мира [Hondagneu-Sotelo, 2000].

Мигрантки подвергаются множественным формам дискриминации: как женщины, как мигранты, как представители этнического меньшинства. Большинство из них заняты в отраслях, связанных с ручным неквалифицированным сервисным трудом, например, работают в качестве домашней прислуги, а кроме того, в сфере секс-услуг [Moch, 2005. P. 98]. Однако женский опыт миграции не всегда связан с работой [Kofman, 1999]. Женщины мигрируют в результате замужества, или чтобы воссоединиться с семьей, а также благодаря тому, что являются активными участниками социальных сетей, сообществ и землячеств [Morrison, Lichter, 1988; Shihadeh, 1991]. Подобные формы женской миграции недостаточно исследованы. Данная статья направлена на изучение семейных связей как инклюзивных механизмов мигрантов, а также гендерных аспектов инклюзии.

Российские исследования миграции являются гендерно не чувствительными. Исключение составляют немногие работы, анализирующие специфику женской трудовой миграции [Тюрканова, Малышева, 2001; Бритвина, Киблицкая, 2004; Зотова, 2006; Зотова, 2007], повседневность женщин-мигранток в приватной сфере и домашнем пространстве [Бредникова, Ткач, 2010], специфические каналы женской миграции, связанные

с браком и миграцией семьи [Касымова, 2010], а также риски мигранток, связанные с сексуальным насилием, инфицированием ВИЧ и ИППП [Агаджанян, Зотова, 2011]. Вместе с тем опыт мигранток в публичной сфере остается практически не исследованным. Статья стремится заполнить эту лакуну, анализируя практики обращения женщин-мигранток к услугам учреждений здравоохранения и дошкольного образования.

Не всегда миграция связана лишь с дискриминацией, угнетением и бедностью. Опыт проживания в странах с культурой гендерного равенства может привести к постепенному пересмотру традиционных гендерных отношений в семьях мигрантов из стран с патриархальной гендерной культурой [Hondagneu-Sotelo, 1992]. Мобильность предоставляет женщинам из постсоветских государств средства освобождения от тирании семьи, дает финансовую независимость и возможность самостоятельно принимать решения [Бредникова, Ткач, 2010. С. 74]. Таким образом, исследование женской миграции должно учитывать сложность и противоречивость женского опыта, помещая его в контекст гендерной культуры мигранток, а также анализируя его субъективное измерение.

Статья написана на материалах исследования, которое носило разведывательный характер. В фокусе анализа кейсы, в качестве которых выступают биографии трех армянок: Егине (27 лет, замужем, сын – 5 лет), Зара (37 лет, замужем, два сына – 4 и 2 года), Амалия (36 лет, две дочери – 9 и 5 лет). Критериями отбора выступали: наличие опыта миграции в связи с замужеством, место проживания, образовательный уровень и доход. Использование в стратегии кейс-стади дает возможность глубинного изучения механизмов социального исключения и путей его преодоления в биографическом контексте. Методология исследования направлена на анализ культурных кодов и смысловых парадигм, порождающих способы восприятия и объяснительные модели событий. Предполагается, что респондентки, будучи носителями культуры, разделяют смысловые конвенции относительно брака, семьи, гендерного разделения труда, допустимых способов решения проблем. Данная методология накладывает существенные ограничения на возможности обобщения полученных результатов, но делает достаточным малое число кейсов при условии их глубинного анализа.

Все три участницы исследования мигрировали в Россию и на момент интервью (2012 г.) проживали в Санкт-Петербурге и Саратове. У них разный уровень образования: Егине имеет неоконченное специальное, Зара – общее среднее, Амалия – высшее. Все они являются выходцами из многодетных по российским меркам семей рабочих. У родителей всех участниц исследования не было высшего образования, они были заняты ручным трудом и не имели высоких доходов. В родительских семьях Егине и Амалии было трое детей, в родительской семье Зары – шестеро.

Женские каналы миграции: семья или карьера?

Все три участницы исследования родились за пределами России. Они считают себя армянками, и армянский язык является для них родным. Егине и Амалия родились в Армении, в небольших провинциальных городах. Зара родилась в армянской семье в Азербайджане, однако ее семья вскоре вынуждена была вернуться в Армению. Итак, участницы исследования осуществляют миграцию в Россию из Армении. Егине и Амалия мигрируют в результате замужества. Опыт миграции Зары оказывается более сложным, так как изначально она переезжает в Россию с целью поиска работы. Однако опыт миграции в результате замужества также есть в ее биографии.

Егине окончила десятилетнюю школу, после чего поступила в педагогический колледж. Трехлетнюю программу колледжа ей не удалось окончить: через два года после поступления она познакомилась со своим будущим мужем и уехала в Россию. В интервью Егине уделяет мало внимания периоду учебы в колледже, а также своим профессиональным и жизненным планам в тот период. Она не проблематизирует необходимость оставить учебу в связи с браком. Последовательность биографических событий представлена как естественная и желательная для молодой женщины.

Амалия после окончания школы в провинциальном городе в Армении, поступила в престижный институт в Ереване на отделение романо-германской филологии. Она единственная из своих сестер, кому удалось поступить в вуз и получить высшее образование. Амалия описывает себя как прилежную ученицу, которая хорошо училась в школе и увлекалась французским языком. Для того чтобы поступить в вуз, ей пришлось много заниматься самостоятельно, поскольку ее родители не имели денег, чтобы оплатить поступление дочери. Тем не менее Амалия успешно сдала вступительные экзамены и была зачислена, несмотря на высокий конкурс и коррупцию. Во время учебы в Ереване Амалия жила интенсивной культурной жизнью: ходила в театры, читала, увлекалась поэзией, общалась с подругами. После окончания вуза ей пришлось вернуться в родной город по требованию родителей. После возвращения Амалия получила место учителя в общеобразовательной средней школе. Одновременно она строила далеко идущие карьерные планы: она подала заявление на работу во французское посольство в Ереване и успешно прошла два первых этапа собеседования, ожидала третьего этапа и устройства на престижную и интересную работу в столице.

Этот период своей жизни Амалия описывает как имеющий двойное значение. Она помещает рассказ о нем в смысловые рамки патриархальных норм поведения для молодой женщины, связанных с подчинением старшим родственникам, а также современных норм, допускающих ориентацию на карьеру и выстраивание индивидуальной жизненной траектории. Возвращение в родной город рассматривается ею как временное событие, которое является уступкой требованию воссоединения с родительской семьей.

Амалия полагает, что вернувшись ненадолго в семью, она сможет в дальнейшем реализовать свои профессиональные планы. Благодаря учебе в столичном вузе Амалия приобретает к культурным практикам городского образованного класса. Именно городская среда в Армении выступала пространством модернизации гендерных отношений в позднесоветском обществе. Повседневные практики образованных горожанок сильно отличались от традиционных. Для данного социального слоя было характерно селективное выполнение правил. В частности, замужество считалось обязательным для женщин, однако допускалась также ориентация на профессию и карьеру [Темкина, 2008. С. 150].

Честолюбивые профессиональные планы Амалии не реализуются. В период пребывания в родном городе Амалия знакомится со своим будущим мужем и переезжает жить в Россию, реализуя традиционный гендерный сценарий. Этот сценарий для женщин, принявших участие в исследовании, оказывается парадигмальным, т.е. лежащим в основе культурного кода, который задает конфигурацию гендерных практик. Основу этого сценария задают патриархальные нормы жесткого разделения половозрастных ролей, подчинения женщин мужчинам и младших родственников старшим в рамках расширенной многопоколенной семьи [Темкина, 2008. С. 150]. Рассказ Амалии содержит противоречие классово заданных гендерных норм поведения. Поступив в престижный вуз, Амалия осуществляет вертикальную мобильность и попадает в социальную среду образованных горожан, для которой характерны модернизированные гендерные отношения. Но социальная среда рабочих малого города, к которой принадлежит родительская семья Амалии, требует от нее реализации патриархального гендерного сценария.

Зара реализует в России традиционный гендерный сценарий, который невозможно было осуществить до миграции (в связи с материальными трудностями и вынужденным переселением). Она родилась в Баку, куда переехали ее родители из Армении. В Баку прошло ее детство. Через несколько лет, в 1988 г., семья была вынуждена бежать обратно в Армению в связи с армяно-азербайджанским национальным конфликтом. Зара окончила общеобразовательную школу в Армении. Вынужденный переезд стал катализатором распада привычного уклада совместного проживания и образа жизни семьи. Старшие сестры вышли замуж и покинули семью, переехав в Россию и Белоруссию. Зара столкнулась с невозможностью продолжить учебу или найти работу, поскольку новое место жительства семьи было «глухой деревней». Она отправляется к старшей сестре в Санкт-Петербург и устраивается на работу продавцом в видеосалон. Вскоре двоюродная сестра пригласила Зару погостить в Саратов, где Зара встретила своего будущего мужа и осталась на постоянное жительство.

Итак, миграция для всех трех респонденток была связана с изменением maritalного статуса. Все три женщины выходят замуж за мужчин-мигрантов армянского происхождения. Замужество представлено в рассказах

участниц исследования как необходимый и значимый этап жизненного цикла. Статус замужней женщины имеет самостоятельную и безусловную ценность, гораздо большую, нежели карьера и профессиональные амбиции. Егине без колебаний оставляет учебу в колледже, Амалия отказывается от престижной работы в Ереване, а Зара – от работы в Санкт-Петербурге, гарантирующей доход и финансовую независимость.

Остановимся более подробно на этапе заключения брака как биографическом событии, имеющем поворотное значение. В обществе с патриархатным гендерным порядком роль супруги и матери является статусным ресурсом для женщины. Статус незамужней девушки в родительской семье достаточно низкий. После замужества женщина переходит в семью мужа, внутри которой статус женщины растет с количеством рожденных ею детей и по мере уменьшения числа старших родственников [Лыткина, 2010. С. 99]. Брак выступает средством обмена статусов и поддержания солидарности сообщества [Темкина, 2008. С. 157]. Основными чертами патриархата является зависимость статуса женщины от статуса мужа и старших родственников, значимое влияние родителей на заключение браков, главенство мужа над женой, контроль женской сексуальности [Здравомыслова, Темкина, 2009. С. 31]. Патриархат в чистом виде не встречается на постсоветском пространстве, поскольку гендерные отношения были модернизированы в советский период. Во многих постсоциалистических странах, включая современную Армению, патриархат функционирует как культурный код, порождающий смыслы гендерных практик. При этом нормативные границы этих практик различаются в зависимости от социальной среды [Темкина, 2008. С. 151]. Хотя истории жизни участниц исследования не вписываются в рамки патриархатного сценария, патриархат выступает для них точкой референции, благодаря чему история заключения брака занимает существенное место в рассказах информанток.

После замужества дальнейшие биографии информанток во многом определяются теми жизненными возможностями, которые предоставляет им муж и его семья. Три новых семьи различаются по социальному положению. Экономически наиболее обеспечена семья Егине. Высокий уровень культурного и образовательного капитала у семьи Амалии. Наименьший объем образовательного и экономического капитала у семьи Зары.

Вдали от родины: социальное исключение и возможности его преодоления

Итак, три участницы исследования выходят замуж и переезжают жить в Россию. Истории каждой из них представляют собой результат уникальной констелляции биографических событий, тем не менее в них можно обнаружить общие компоненты, обусловленные социальными

и культурными препятствиями, с которыми они столкнулись. Основными барьерами стали языковая среда и гражданство.

История миграции в Россию Зары не связана с замужеством. Зара пытается выбраться из армянской деревни, в которую она попала как беженка. Она хорошо знает русский язык, поскольку училась в Баку в русской школе. В Санкт-Петербурге Зара быстро адаптируется к общению в публичном пространстве по-русски. Гораздо большей проблемой для нее стало отсутствие гражданства, так как оно дает возможность официально устроиться на работу. Благодаря родственным связям она нашла два первых временных места трудоустройства. Вскоре ей удалось постоянно устроиться в видеосалон. Работа доставляет ей удовольствие, дает финансовую независимость и чувство самоуважения.

После выхода замуж за армянина с российским гражданством Зара получает возможность натурализоваться. Бюрократические ошибки и проволочки превращают процесс получения гражданства в «мытарства». Муж не поддерживает желание жены приобрести гражданство, полагая, что жизнь женщины должна проходить в семье и приватной сфере. Он становится единственным добытчиком в семье. После рождения двоих детей семья постоянно испытывает материальные трудности. По словам информантки, в вопросе гражданства муж рассуждает следующим образом: *«А зачем тебе документы-то нужны? Живешь себе и живи. Ты все равно – женщина, работать нигде не будешь»*. В конце концов, гражданство получено. Социологически это событие можно трактовать как элемент прагматического патриархата [Kong, Chan, 2000. P. 502], когда традиционные гендерные нормы применяются, если они не противоречат рациональным стратегиям и экономической выгоде. Если же традиция противоречит рациональности, она подвергается пересмотру и модернизации. Гражданство дало возможность Заре получать бесплатную медицинскую помощь (что актуально для семьи, испытывающей дефицит материальных ресурсов), а также претендовать на некоторые социальные гарантии и пособия. В частности, она надеется, что сможет получить материнский капитал, который поможет улучшить жилищные условия семьи.

Егине не упоминает о языковом барьере, хотя его наличие можно предположить. Начальная социализация в России проходит в семье мужа, где разговаривают по-армянски. Квартира, которую снимает семья, кажется перенаселенной, но Егине не жалуется на тесноту. Семья обеспечивает общение, наполняет повседневность, вечером все собираются вместе за кофе и разговорами. Параллельно Егине использует русский язык в публичном пространстве: в общественном транспорте, при совершении покупок и т.п. Интенсивное включение в языковую среду для Егине связано с работой. После достижения сыном трехлетнего возраста Егине устраивается на работу помощником воспитателя в детском саду, чтобы материально помочь семье. Получение российского гражданства в рассказе Егине представлено как ру-

тинная процедура оформления документов сразу же после заключения брака (муж на момент бракосочетания являлся российским гражданином). Муж не препятствует получению ею гражданства и выходу на работу. Возможно, здесь также речь идет о прагматическом патриархате.

Амалия, оказавшись в России, думает об устройстве на работу в качестве преподавателя французского языка, но опасается, что недостаточно знает русский. Другим препятствием социальной интеграции выступает отсутствие гражданства. Натурализация является сложной бюрократической процедурой и занимает шесть лет. Согласие с традиционными гендерными конвенциями снижает мотивацию Амалии в получении гражданства. Амалия имеет двойственную идентичность. Она стремится к самореализации и мечтает о работе, но одновременно разделяет традиционные гендерные нормы, оставаясь дома с детьми.

Таким образом, информантки столкнулись со сходным набором проблем, препятствующих их включению в новую для них социальную среду. Все они говорят о наличии языкового барьера и о сложности процедуры получения гражданства. Языковой барьер постепенно преодолевается. Препятствия получения гражданства имеют двойную природу: институциональную и культурную. Институциональные барьеры связаны с процедурными правилами натурализации. Все респондентки упоминают бюрократические проволочки, которые препятствуют получению гражданства. Культурные барьеры определены традиционными гендерными нормами, которые разделяют респондентки и их мужья: гражданство мыслится как ненужное замужней женщине, посвящающей себя семье. Чтобы получить гражданство, респонденткам приходится преодолевать не просто институциональные барьеры, но сопротивление со стороны мужей, а также менять собственные установки. Тем не менее необходимость получения гражданства имеет инструментальное значение с точки зрения доступа к бесплатным услугам здравоохранения.

Медицинские услуги: институциональные барьеры и стратегии преодоления

Для всех участниц исследования сокращение расходов является важной стратегической задачей. Все три семьи испытывают недостаток материальных ресурсов; об уровне жизни и доходов свидетельствуют более чем стесненные жилищные условия. Семья Егине состоит из шести человек и арендует двухкомнатную квартиру. Семья Амалии из четырех человек, снимает две комнаты в заводском общежитии. Зара вместе с мужем и двумя сыновьями снимает одну комнату в общежитии.

Гражданство дает доступ к бесплатной медицинской помощи в период беременности и родов. Три истории представляют собой три разных стратегии действий в ситуации невозможности получения бесплатных

медицинских услуг. Егине, как наиболее обеспеченная, оплачивает необходимые услуги. В женской консультации при роддоме она получает аналогичные услуги, что и другие посетительницы, но на платной основе. На момент интервью Егине беременна вторым ребенком, имеет полис обязательного медицинского страхования и получает медицинские услуги, связанные с наблюдением беременности, бесплатно.

Амалия использует социальные связи семьи мужа. Например, «устройство» в роддом и договоренности с медперсоналом происходят благодаря участию родственника мужа Рубена:

Рубен всегда помогает. Он говорит, что в понедельник туда [в роддом] едем, он придет на машине и сам будет эти вопросы решать. Главврач у него там знакомый хороший, и никаких проблем не будет. И мы прямо к главному врачу за Рубеном пошли, он нас устроил. Палату мне, все дали, все как надо: под наблюдением заведующего и самого главного врача.

Интервью с Амалией содержит много упоминаний родственных связей, позволяющих оценить социальный капитал семьи. При этом экономическое положение самой Амалии и ее мужа является скромным. Все родственники не только хорошо знакомы Амалии, но мыслятся как «одна семья». Благодаря семейным связям Амалия может эффективно решать различные проблемы, с которыми она сталкивается, возможно, именно поэтому наличие гражданства не является для нее насущной проблемой.

Зара не имеет финансовых средств, чтобы оплатить медицинские услуги. Ее семья не располагает необходимым социальным капиталом, чтобы получить медицинскую помощь «по знакомству». Хотя в интервью Зара упоминает множество родственников, все эти многочисленные контакты и связи не включают влиятельных персон, которые способны «решать проблемы». Отсутствие экономических и социальных ресурсов приводит к тому, что Зара сталкивается с невозможностью получить необходимую медицинскую помощь, плохим качеством медицинских услуг и пренебрежительным отношением со стороны медперсонала.

Во время первой беременности Заре удастся «встать на учет» в женской консультации по месту жительства и получать необходимые услуги бесплатно, несмотря на отсутствие гражданства. Однако в роддоме выясняется, что медицинские услуги необходимо оплачивать. У Зары были тяжелые роды, поэтому врачи «склоняли делать кесарево». Эта услуга предоставляется платно: «в то время десять тысяч просили за кесарево». Необходимая сумма кажется слишком большой, поэтому Зара отказывается от операции. По словам женщины, врачи обвиняли ее в жадности и беспечном отношении к здоровью ребенка. Приписанные ей жадность и беспечность трактуются работниками медицинского учреждения в ксенофобских терминах. Бедность типизируется как этничность:

Я помню, заведующий вот этот, мужик такой полный был, так меня отчитывал, как школьницу <...> Отвел в кабинет, такой холеный сидит, его надо было видеть. И он меня отчитывает перед этими врачами: «Вот ты в таком дорогом халате, а 10 тысяч не можешь заплатить <...> Такие, как вы, понаехали сюда, деньги не платите, а богатые ходите, в брильянтах ходите» <...> Меня, наверное, никто так не отчитывал, ни завуч, ни директор.

Во время второй беременности Заре не удастся добиться бесплатного медицинского наблюдения в женской консультации, ее отказываются «ставить на учет» без гражданства:

Ходила в поликлинику по прописке. Меня на учет не ставят, потому что нет гражданства. Я говорю: «У меня вид на жительство». А мне: «Он вам ничего не дает» <...> А потом когда пошла, делала УЗИ, в семь месяцев, платный, мне сказали: «А где ваш первичный УЗИ?» А я говорю: «Я, честно говоря, первый раз делаю» – «Какая Вы рискованная, в таком возрасте, семь месяцев, Вы делаете первый раз УЗИ».

Итак, возможности получения медицинской помощи зависят от ресурсов, которыми располагают семьи участниц исследования. Отсутствие гражданства создает ситуацию неопределенности относительно условий, на которых медицинские услуги могут быть предоставлены. Возможность бесплатного наблюдения в женской консультации по месту жительства упоминается в интервью. Однако все три информантки не владеют информацией об условиях, на которых бесплатные медицинские услуги могут быть предоставлены в соответствии с их статусом, поэтому медицинские услуги либо оплачиваются, либо о них договариваются по знакомству. Если же необходимые ресурсы отсутствуют, респондентки подвергаются риску столкнуться с низким качеством услуг и предвзятым отношением со стороны медицинского персонала.

Детский сад: культурные барьеры и переопределение гендерного неравенства

Обращение к услугам дошкольных образовательных учреждений не является насущной необходимостью, но, по мнению информанток, посещение детьми детского сада обеспечивает им языковую и культурную интеграцию, развивает навыки общения в коллективе. Обращению к услугам ДДОУ, в отличие от услуг медицинских учреждений, препятствуют не институциональные, а культурные барьеры. Дети информанток имеют российское гражданство, а потому имеют право получения услуг ДДОУ. В интервью участницы обсуждают барьеры, связанные с патриархатными установками как самих информанток, так и их мужей.

Во всех трех семьях гендерные роли жестко разделены. Мужчины являются добытчиками, а женщины – ответственными за выполнение домашней

работы и воспитание детей. Егине выполняет всю работу по дому в расширенной семье мужа. Иногда эти обязанности с ней делит свекровь. Мужчины дома *«только отдыхают»*. В семье Зары муж не только выполняет функции кормильца, но и единолично принимает любые ответственные решения. Участие мужчин в работах по дому табуировано, поскольку эти работы однозначно маркированы как женские. Аналогично рассматривается включение женщины в оплачиваемый труд. В семьях Амалии традиционное разделение ролей, но информантка говорит о высокой степени участия мужа в домашней работе. Возможно, это обусловлено уровнем образования супруга. Как уже отмечалось выше, именно образованный класс в армянском обществе выступает той средой, в которой парадигмальный патриархатный гендерный порядок подвергается наиболее радикальному пересмотру и возможны более существенные отклонения от нормы.

При традиционном способе гендерного разделения родительских ролей вопрос о помещении ребенка в детское дошкольное образовательное учреждение является спорным, поскольку забота о детях и воспитание являются важной составляющей традиционного материнства. Отцы выступают противниками детского сада, в том числе и потому, что передача ребенка в ДДОУ потенциально угрожает нарушить традиционный баланс гендерных ролей в семье. Внешний присмотр за ребенком потенциально может способствовать вовлечению женщин в оплачиваемую занятость, что, в свою очередь, потенциально угрожает власти мужчины.

Детсад предоставляет женщинам дополнительные возможности для участия в экономике семьи, а также частично упрощает выполнение работ по дому. ДДОУ помогает Амалии успешно совмещать заботу и воспитание двоих детей, Егине – выйти на работу, чтобы обеспечить дополнительный доход семье, для Зары упрощает поддержание режима дня старшего сына: *«ребенок лучше ест и спит в детском саду»*, частично освобождает от рутинной домашней работы.

Кроме того, детский сад рассматривается женщинами как институт, способствующий коммуникативной и социальной компетентности. Например, с точки зрения Амалии, детский сад обеспечивает получение навыков общения со сверстниками, необходимых в дальнейшей школьной жизни. Егине ценит дополнительные занятия в детском саду и их роль в подготовке к начальной школе. Пребывание детей в дошкольном учреждении также способствует их языковой и культурной социализации. Для всех трех респонденток армянский язык является родным, в их семьях говорят по-армянски. Егине видит детский сад как основной институт обучения русскому языку:

Когда сын родился, нам посоветовали, чтоб даже не пробовать двум языкам [учить]. Нарушается. Решайте, выбирайте один язык: армянский или на русском будете разговаривать. Мы решили: сначала пусть на армянском, а в садик пойдет и научится.

Амалия подчеркивает культурную социализацию, которую осуществляет детский сад, транслируя базовые знания о русской культуре: *«Старшая дочка много училась. Все сказки про русский народ, русские сказки она знала, все с садика. Вот что дал садик ей».*

Все участницы исследования придают большое значение обучению своих детей и хотели бы в будущем дать им высшее образование. Они рассматривают образование не просто как канал социальной мобильности, но как гарантию социальной интеграции, наличия востребованной и хорошо оплачиваемой работы. В этом контексте детский сад представляется участницам исследования как первая ступень будущей образовательной карьеры детей, дающая возможность поступить в школу и добиться успеха в учебе. Успешная школьная карьера является второй ступенью перед поступлением в вуз.

Использование услуг детского сада не приводит к переопределению гендерного уклада семьи. Благодаря институциональной поддержке в уходе за детьми, женщинам становится легче совмещать заботу с работой по дому или в сфере оплачиваемой занятости. Однако возможность обращения к услугам ДДОУ не изменяет вторичного статуса женщин и жесткого гендерного разделения на публичную и приватную сферу. Женщины выражают сожаление по этому поводу. Они стремятся к большей автономии, требуют признания своего авторитета, а также хотели бы иметь больше возможностей для переговоров и обсуждения различных аспектов семейной жизни и содержания гендерных ролей.

В некотором смысле стремление женщин изменить условия «парриархатной сделки» является характерным для патриархата. В своей классической работе Дениз Кандиоти пишет о стратегиях активного и пассивного сопротивления женщин, стремящихся изменить «правила игры» таким образом, чтобы улучшить жизненные условия и увеличить собственную защищенность [Kandiyoty, 1988]. И модернизация публичной сферы и снижение роли домашней экономики в современных обществах приводит к разложению патриархата. Однако эти изменения «поддерживают мужскую сферу приложения труда и укрепляют мужские позиции в обществе», в то время как положение женщин становится все более вторичным, зависимым [Лыткина, 2010. С. 124]. Ощущение несправедливости гендерного разделения ролей в семье, о котором говорят участницы исследования, связано с тем, что баланс гендерных ролей, характерный для классического патриархата, нарушен. Брак больше не гарантирует женщине уважения и социальной защищенности. Даже наличие институциональной поддержки в виде ДДОУ, потенциально предоставляющей дополнительные жизненные возможности для женщин, фактически не улучшает их положения. В некотором смысле создается ситуация «блокированной гендерной революции» [Hochschild, 2003], при которой расширение возможностей жизненного выбора женщин не сопровождается соответствующими изменениями маскулинности, и гендерные неравенства усиливаются.

***

Подробный анализ жизненных историй трех женщин выявил барьеры, с которыми они сталкиваются, ресурсы и стратегии, с помощью которых женщины имеющиеся барьеры преодолевают. Основными исключаящими институциональными механизмами являются принципы предоставления социальных сервисов, связанных с гражданством. Барьером доступа выступает патриархатная гендерная культура. Гендерные нормы препятствуют получению женщинами гражданского статуса, а также выступают барьером при обращении к услугам детских дошкольных образовательных учреждений. Тем не менее женщины могут преодолевать эти барьеры, используя материальные или социальные ресурсы семьи. Кроме того, справляясь с барьерами, обусловленными патриархатными гендерными нормами, они вырабатывают стратегии сопротивления слабым [Kandiyoty, 1988], связанные с женской хитростью и мудростью, чтобы переопределить баланс власти внутри семьи. В ситуации сосуществования патриархатных правил семейного проживания и более модернизированной гендерной культуры патриархатные гендерные нормы начинают применяться прагматически.

Специфика социального исключения и стратегии его преодоления имеют классовый характер, усиливая гендерное неравенство и неравенство, связанное со статусом мигрантов. Представители более образованных слоев переопределяют правила патриархатного гендерного порядка в направлении большей индивидуальной свободы, возможности выбора для женщин, переговоров внутри пары. А отсутствие экономических и социальных ресурсов делает институциональные барьеры практически непреодолимыми. Таким образом, характер социального исключения, с которым сталкиваются мигрантки, меняется с уровнем образованности женщин и их супругов, зависит от социального и экономического капитала семьи.

Список источников

Агаджанян В., Зотова Н. Социальная уязвимость и сексуальные риски женщин-мигрантов из Средней Азии в Москве // Демоскоп Weekly. 2011. № 465–466 // http://demoscope.ru/weekly/2011/0465/analit02.php#_FNR_1

Бредникова О., Ткач О. Дом для номады // Laboratorium. 2010. № 3. С. 72–95.

Бритвина И., Киблицкая М. Жизнь мигрантки в монограде. М.: ООО «Книгодел», 2004.

Здравомыслова Е., Темкина А. Ушел ли в прошлое патриархат? Специфическая власть слабого пола // Гендер для чайников 2 / под ред. И. Тартаковской. М.: Звенья, 2009. С. 25–41.

Зотова Н. А. Женская трудовая миграция и вера в собственные силы. 10.11.2006 // Фергана.new // <http://ferghana.ru/article.php?id=4715>

Зотова Н. А. Женщины – трудовые мигранты из Таджикистана (старшая возрастная группа) // Вестник Евразии. 2007. № 2 (36). С. 72–88.

Касымова С. Расширяя границы: межэтнические и межконфессиональные браки в постсоветском Таджикистане (на примере браков таджикских женщин с иностранцами) // *Laboratorium*. 2010. № 3. С. 126–149.

Лыткина Т. Трансформация гендерного порядка: от традиции к современности. Опыт этносоциологического анализа северного Кавказа // *Laboratorium*. 2010. № 3. С. 96–125.

Темкина А. Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой. СПб.: Изд-во ЕУСПб., 2008.

Anthias F. Social Stratification and Social Inequality: Models of Intersectionality and Identity // *Rethinking Class. Culture, Identities and Lifestyle* / ed. by F. Devine, M. Savage, J. Scott, R. Crompton. Palgrave Macmillan, 2005. С. 24–45.

Hochschild A. The Second Shift. New York: Penguin books, 2003.

Hondagneu-Sotelo P. Feminism and Migration // *Annals of the American Academy of Political and Social Science* // *FeministViews of the Social Sciences*. 2000. Vol. 571. P. 107–120.

Hondagneu-Sotelo P. Overcoming Patriarchal Constraints: The Reconstruction of Gender Relations among Mexican Immigrant Women and Men // *Gender and Society. Race, Class, and Gender*. 1992. Vol. 6. № 3. P. 393–415.

Kong L., Chan J. Patriarchy and Pragmatism: Ideological Contradictions and State Policies // *Asian Studies Review*. 2000. Vol. 24. № 4. P. 501–531.

Levitt P., Jaworsky N. Transnational Migration Studies: Past Developments and Future Trends // *Annual Review of Sociology*. 2007. Vol. 33. P. 129–156.

Kofman E. Female "Birgs of Passage" a Decade Later: Gender and Immigration in the European Union // *International Migration Review*. 1999. № 33. P. 269–299.

Moch L. Gender and Migration Research // *International Migration Research. Constructions, Omissions and the Promises of Interdisciplinarity* / ed. by M. Bommer, E. Morawska. Ashgate, 2005. P. 95–110.

Murray C. The Emerging Underclass. London: Institute of Economic Affairs, 1990.

Fainstein N. The Underclass Mismatch Hypothesis as an Explanation for Black Economy Deprivation // *Politics and Society*. 1987. № 15. P. 403–451.

Shihadeh E. The Prevalence of Husband-Centered Migration: Employment Consequences for Married Mothers // *Journal of Marriage and Family*. 1991. Vol. 53. № 2. P. 432–444.

Wacquant L., Wilson W. The costs of Racial and Class Exclusion in the Inner City // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1989. № 501. P. 8–25.

Walker C., Walker A. Social Policy and Social Work // *Social Work: Themes, Issues and Critical Debates* / ed. by L. Dominelli, M. Payne. Palgrave, 2009. P. 50–61.

References (Cyrillic letters are transliterated)

Agadzhanian V., Zotova N. Sotsialnaya uyazvimost i seksualnyye riski zhenshchin-migrantov iz Sredney Azii v Moskve // *Demoskop Weekly*. 2011. № 465–466 // http://demoscope.ru/weekly/2011/0465/analit02.php#_FNR_1

Brednikova O., Tkach O. Dom dlya nomady // *Laboratorium*. 2010. № 3. С. 72–95.

Britvina I., Kiblitckaya M. Zhizn migrantki v monograde. M.: ООО «Knigodel», 2004.

Zdravomyslova E., Temkina A. Ushel li v proshloye patriarkhat? Spetsificheskaya vlast slabogo pola // *Gender dlya chaynikov 2* / pod red. I. Tartakovskoy. M.: Zvenya, 2009. С. 25–41.

Zotova N.A. Zhenskaya trudovaya migratsiya i vera v sobstvennyye sily. 10.11.2006 // *Fergana.new* // <http://ferghana.ru/article.php?id=4715>

- Zotova N. A. Zhenshchiny – trudovyye migranty iz Tadjhikistana (starshaya vozrastnaya gruppa) // Vestnik Yevrazii. 2007. № 2 (36). S. 72–88.
- Kasymova S. Rasshiryaya granitsy: mezhetnicheskiye i mezhkonfessionnyye braki v postsovetckom Tadjhikistane (na primere brakov tadjhikskikh zhenshchin s inostrantsami) // Laboratorium. 2010. № 3. S. 126–149.
- Lytkina T. Transformatsiya gendernogo poryadka: ot traditsii k sovremennosti. Opyt etnosotsiologicheskogo analiza severnogo Kavkaza // Laboratorium. 2010. № 3. S. 96–125.
- Temkina A. Seksualnaya zhizn zhenshchiny: mezhdru podchineniyem i svobodoy. SPb.: Izd-vo YeUSPb., 2008.
- Anthias F. Social Stratification and Social Inequality: Models of Intersectionality and Identity // Rethinking Class. Culture, Identities and Lifestyle / ed. by F. Devine, M. Savage, J. Scott, R. Crompton. Palgrave Macmillan, 2005. C. 24–45.
- Hochschild A. The Second Shift. New York: Penguin books, 2003.
- Hondagneu-Sotelo P. Feminism and Migration // Annals of the American Academy of Political and Social Science // FeministViews of the Social Sciences. 2000. Vol. 571. P. 107–120.
- Hondagneu-Sotelo P. Overcoming Patriarchal Constraints: The Reconstruction of Gender Relations among Mexican Immigrant Women and Men // Gender and Society. Race, Class, and Gender. 1992. Vol. 6. № 3. P. 393–415.
- Kong L., Chan J. Patriarchy and Pragmatism: Ideological Contradictions and State Policies // Asian Studies Review. 2000. Vol. 24. № 4. P. 501–531.
- Levitt P., Jaworsky N. Transnational Migration Studies: Past Developments and Future Trends // Annual Review of Sociology. 2007. Vol. 33. P. 129–156.
- Kofman E. Female "Birgs of Passage" a Decade Later: Gender and Immigration in the European Union // International Migration Review. 1999. № 33. P. 269–299.
- Moch L. Gender and Migration Research // International Migration Research. Constructions, Omissions and the Promises of Interdisciplinarity / ed. by M. Bommer, E. Morawska. Ashgate, 2005. P. 95–110.
- Murray C. The Emerging Underclass. London: Institute of Economic Affairs, 1990.
- Fainstein N. The Underclass Mismatch Hypothesis as an Explanation for Black Economy Deprivation // Politics and Society. 1987. № 15. P. 403–451.
- Shihadeh E. The Prevalence of Husband-Centered Migration: Employment Consequences for Married Mothers // Journal of Marriage and Family. 1991. Vol. 53. № 2. P. 432–444.
- Wacquant L., Wilson W. The costs of Racial and Class Exclusion in the Inner City // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1989. № 501. P. 8–25.
- Walker C., Walker A. Social Policy and Social Work // Social Work: Themes, Issues and Critical Debates / ed. by L. Dominelli, M. Payne. Palgrave, 2009. P. 50–61.

Шпаковская Лариса Леонидовна – кандидат социологических наук,
доцент факультета социологии НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург,
электронная почта: lshpakovskaya@hse.ru; larisa.shpakovskaya@socpolicy.ru

Larisa L. Shpakovskaya – Candidate in Sociology,
of Higher School of Economics at St. Petersburg,
e-mail: lshpakovskaya@hse.ru; larisa.shpakovskaya@socpolicy.ru

---